

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

(По поводу нападокъ на „Богословскій Вѣстникъ“).

Въ истекшемъ году двѣ-три статьи „Богословскаго Вѣстника“ такъ не понравились нѣкоторымъ писателямъ, что они сочли даже возможнымъ позволить себѣ по этому поводу общее рѣзкое осужденіе нашего академическаго журнала.

Во второй Мартовской книжкѣ „Вѣры и разума“ сдѣлалъ вылазку противъ „Богословскаго Вѣстника“ о. Буткевичъ. По поводу статьи профессора Муретова „Эрнестъ Ренанъ и его жизнь Иисуса“ онъ между прочимъ, писалъ: „Приснопамятнаго Филарета, бывшаго московскаго митрополита, наши либералы 60-хъ годовъ черѣдко называли „деспотомъ мысли“ за то, что онъ слишкомъ внимательно относился ко всему тому, что было печатаемо при немъ въ „Прибавленія къ твореніямъ св. Отцевъ“, — журналъ, который былъ издаваемъ тогда московскою дух. академію, и что безъ собственнаго предварительнаго просмотра и исправленія онъ не позволялъ помѣщать въ немъ статей даже такихъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ Евсевій, Голубинскій, Горскій или Кудрявцевъ. Но это обвиненіе Филарета было крайне несправедливо. „Деспотомъ мысли“ здравой и разумной Филаретъ никогда не былъ. Его поведеніе объясняется просто: онъ горячо любилъ свою академію; онъ понималъ, какое значеніе имѣетъ духовная академія въ жизни Православной нашей церкви; онъ зналъ, какъ смотреть русское общество на ея ученые труды и какъ цѣнно и вѣско должно быть каждое слово ея профессора предназначенное для печати; онъ просто опасался, чтобы не уронить научнаго авторитета высшей богословской науки, не подать кому-либо повода къ соблазну.... Филаретъ былъ правъ. Академическій журналъ—не частное изданіе, направленіе котораго зависитъ отъ личныхъ убѣжденій или цѣлей того или другаго редактора; профессоръ академіи—не жур-

нальный фельетонистъ; ему слѣдуетъ всегда подумать сначала о томъ, что онъ намѣренъ высказать въ печатномъ словѣ“.

Итакъ, въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ статьи теперь пишутся и помѣщаются *безъ разбора и не подумавши*.

Въ Декабрьской книжкѣ „Странника“ журнальный обозрѣватель повторилъ съ буквальною точностію нападки о. Буткевича и затѣмъ, перечисливъ нѣкоторыя полемическія статьи „Богословскаго Вѣстника“, писалъ: „Нельзя не замѣтить, что въ каждомъ изъ указанныхъ случаевъ литературно-критическаго спора непременно фигурируетъ „Богословскій Вѣстникъ“, но фигурируетъ въ такихъ странныхъ, порывистыхъ, неправильныхъ движеніяхъ, что такъ и кажется, что съ нимъ приключилась какая-нибудь болѣзнь въ родѣ пляски св. Витта, что ему на этотъ разъ не доставало того, чѣмъ оказались сильны его противники — „Вѣра и разумъ“, „Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, не доставало разума и просвѣщенія; этимъ же самымъ приходится объяснять и его отвѣтъ на статью: „Московскій академическій историкъ о житіи преподобнаго Сергія“, напечатанную въ журналѣ „Странникъ“.

Итакъ, *въ журналъ, издаваемомъ ученою коллегіей Московской духовной академіи не доставтъ „разума и просвѣщенія“*.

Отнюдь не претендуя на то, чтобы угождать вкусамъ всѣхъ и каждого, редація „Богословскаго Вѣстника“ считаетъ своимъ долгомъ заявить, что, ради о. Буткевича и ему подобныхъ, она, какъ прежде такъ и впредь, не намѣрена уклоняться отъ принятаго ею пути посильнаго, честнаго служенія православной церкви и научной богословской истинѣ. Въ настоящей замѣткѣ своей она считаетъ нужнымъ не полемизировать, но предостеречь неосторожнаго читателя, если таковой, къ сожалѣнію найдется, и выставить ему на видъ настоящую цѣну бранныхъ нападокъ на нашъ академическій журналъ.

О. Буткевичъ обрушился на профессора Муретова и „Богословскій Вѣстникъ“ только по своему собственному *недомыслию*. Онъ самъ наивно заявляетъ (стр. 319) что, не увидѣвъ подъ второю статью пр. Муретова обычной

подписи „продолженіе слѣдуетъ“, счелъ изслѣдованіе оконченнымъ, тогда какъ въ первой изъ этихъ статей ясно говорилось, что относительно Ренановой книги будетъ *характеристика, изложеніе и критика* (см. стр. 391, 395 и 410), а въ примѣчаніи на стр. 393-й авторъ писалъ: „Въ упрежденіе преждевременныхъ волненій безпокойнаго читателя, буде найдется такой, имѣемъ нужду заявить, что въ этомъ очеркѣ похваляется только внѣшне-формальная и художественно-историческая сторона труда. Напротивъ, теоретическія и богословско-философскія воззрѣнія Ренана отличаются не только неправославіемъ, но и поразительнымъ легкомысліемъ и какою-то дѣтскою незаконченностію, почему въ концѣ очерка и подвергаются самому тщательному разбору и самому строгому осужденію...“ — Послѣ первыхъ двухъ статей въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ появились еще двѣ (въ Апр. и Окт. книжкахъ), гдѣ продолжалось „изложеніе“ и начата „критика“, и доселѣ еще не приведенная къ своему концу. — Что-же сказать о такомъ критикѣ, который въ состояніи понять, что статья окончена *только тогда*, когда ему прямо напишутъ „окончаніе“, а увидѣтъ это изъ самаго содержанія статьи, хотя-бы тамъ и говорилось ясно о предположенныхъ частяхъ изслѣдованія, — уже превышаетъ силы его разумнія?! Что сказать о такомъ критикѣ, который не понимаетъ по русски написанныхъ словъ, что „въ очеркѣ похваляется только внѣшне-формальная и художественно-историческая сторона труда“ Ренана, а отнюдь не его теоретическія и богословско-философскія воззрѣнія?! А между тѣмъ такой необычайно-разумный критикъ считаетъ себя въ правѣ выступать съ дерзкими нападками на нашъ академическій журналъ! Впрочемъ, удивляться тутъ нечему, ибо извѣстно, что смѣлость очень часто находится въ обратно-пропорціональномъ отношеніи съ разумомъ и просвѣщеніемъ. Позволимъ себѣ напомнить о Буткевичу, что не только профессору академіи, но и всякому писателю слѣдуетъ, выражаясь его собственными словами, „сначала подумать о томъ, что онъ намѣренъ высказать въ печатномъ словѣ“ и покорнѣйше просимъ его не злоупотреблять именемъ великаго святителя Филарета, критическій взглядъ котораго, смѣемъ увѣрить, навѣрное не допустилъ-бы появленія въ печати статьи, основанной только на недомыслии ея автора.

Журнальный обозрѣватель „Странника“ принадлежитъ къ разряду писателей также удивительнаго свойства. Онъ пишетъ свои обозрѣнія такъ, что словамъ его, очевидно, нельзя придавать никакого значенія. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, послѣ уже четырехъ статей проф. Муретова, гдѣ началась и критика Ренана, онъ, безъ малѣйшаго колебанія, повторяетъ съ апломбомъ ту ошибку, которую о. Буткевичъ допустилъ еще въ мартѣ. Восьми или девяти мѣсяцевъ ему было, очевидно, недостаточно, чтобы понять и оцѣнить по достоинству критическіе приемы этого автора. Впрочемъ, гдѣ-же журнальному обозрѣвателю „Странника“ понять какую-либо статью въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда онъ въ *цѣлые годы* не можетъ даже замѣтить *существованія* нѣсколькихъ журналовъ и притомъ такихъ, появленіе которыхъ, по его собственнымъ словамъ, было исполненіемъ его „настойчиваго желанія“. Вотъ что пишетъ онъ въ концѣ своего обзора: „Когда наша статья „Обзоръ журналовъ“ была уже набрана для ноябрьской книжки „Странника“, мы замѣтили въ ней крупный недосмотръ, за который и просимъ извиненія у нашихъ читателей.—Мы сказали тамъ, что въ Россіи до сихъ поръ нѣтъ спеціальнаго печатнаго миссіонерскаго органа; мы такъ привыкли твердить объ этомъ въ нашемъ журналѣ при каждой возможности, каждомъ случаѣ—и дѣйствительно твердили больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ журналѣ, что вышеуказанныя строки написали отчасти и подъ вліяніемъ этой привычки, просто механически. Исправляя ихъ скажемъ, что теперь мы можемъ радоваться—наше настойчивое желаніе исполнилось: въ этомъ году возникли два спеціально-миссіонерскихъ журнала—органа Православно-миссіонерскаго Общества: „Православный Благовѣстникъ“ и „Миссіонерскій Сборникъ“.... Вотъ такъ обозрѣватель! Настойчиво желалъ, твердилъ-твердилъ, и вдругъ даже не замѣтилъ, что уже цѣлые годы существуютъ два спеціально-миссіонерскихъ органа! Онъ продолжалъ все по привычкѣ твердить и не чувствовалъ, что давно уже твердить по пустому. Даже и въ извиненіяхъ своихъ предъ читателями опять напуталъ, заявляя, что „Миссіонерскій Сборникъ“—тоже органъ Православно-миссіонерскаго Общества и возникъ въ томъ-же 1893 году, тогда какъ этотъ журналъ, незамѣченный обо-

зрѣвателемъ, существуетъ уже *три года* и служить органомъ Братства св. Василія, епископа Рязанскаго. Подобныя вещи возможны лишь подъ перомъ такихъ писателей, которые, по собственному ихъ откровенно-безцеремонному сознанию, пишутъ „подъ вліяніемъ привычки, просто механически“. Цѣна ихъ отзывовъ, послѣ этого, понятна сама собою.

Редакція „Богословскаго Вѣстника“, конечно, далека отъ того, чтобы сколько-нибудь серьезно обижаться на дерзкія выходки такихъ проицательныхъ критиковъ, какъ о. Буткевичъ, или на то, что „механически“ пишутъ такіе писатели-автоматы, какъ журнальный обозрѣватель „Странника“. Она, повторяемъ, считаетъ лишь своимъ долгомъ предостеречь читателя и выставить на видъ истинную цѣну враждебныхъ ей отзывовъ. Эти отзывы ясно говорятъ сами за себя и невольно приводятъ намъ на память слова св. Василія Великаго: „Нѣкто нещадно нападая на Софронискова сына, Сократа, билъ его въ самое лице, а онъ не противился, но дозволилъ этому..... человѣку насытить свой гнѣвъ.... Когда-же тотъ пересталъ бить, Сократъ, какъ сказываютъ, ничего другаго не сдѣлалъ, а только, какъ на статуѣ пишутъ имя художника, написалъ на лбу: „дѣлалъ такой-то“—(Творенія св. Василія Великаго, изд. М. Д. Академіи. Часть IV, стр. 328. Серг. Посадъ. 1892).
